

КЕМЕРОВСКОЕ книжное издательство готовит к печати новый сборник стихов А. Пинаева. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию поэму «Мать Анна», вошедшую в новый сборник.

ЗДЕСЬ ласточка свила гнездо под крышей. Добряк Волчок не злится у ворот. Пробегав ночь, кот—доходяга рыжий, Спит под крыльцом. За хатой огород. В нем под березой два замшелых улья. И надо быть нерадости такой: Поднялся ветер, пчелы потонули (У них взятки на грече за рекой). Не все погибли. Два или три десятка.

— Жара стоит. — Дождя бы не мешало. — Поешь медку. — Покушай помидор! Вот, принесли газету, Почитай-ка! Ты под навесом В холодке приляг. * * * Стал замечать я, что моя хозяйка Раз в два—три дня уходит в березняк. Лес — на горе и от избы — направо. Уходит Анна без ведра в руке.

И, как во сне, — кладбище и могилу. Тут боль по телу, как огонь, пошла. Час мой пришел! Я собрала все силы И до соседней хаты доползла. Без крика. Молча. Опасалась белых. Так я в тот день сыночка родила. В бреду была, но уберечь сумела. А через двадцать лет — не сберегла. * * * Пошел на фронт он. Провожая, вою, Душа зашлась. И мне помстилось тут, Что не один Борис идет, а двое — Отец и сын, плечом к плечу

Я хоть ползком, но заберусь в тайгу. Недосмотрела. В лес ушел под осень. Домой вернулся — все бедро в крови. Стал помирать. Я плачу. Боря просит: — Меня не будет — Для сирот живи. * * * Как завещал он, Так и поступила. Взрастила Колю. Он уже женат. Внучата есть: Аркаша и Людмила. Зовут к себе. А как же он, солдат? Один в тайге? Все зарастет бурьяном... Нет! Здесь мне жить И здесь мне умирать.

Какой сейчас у бабки Анны стол?! Ни молочка, ни мяса, ни сметаны. Картошка, мед. Весь бабкин «разносол». Еще есть куры. Поросенок Тимка, Спокойный днем и по ночам шальной. А у Волчка глаза покрылись дымкой И на рыбалку не идет со мной. Надлом? Упадок? Нет его, надлома! Здесь нет моих глухих, пустых минут. То — огород. То — хлопоты по дому. Обычный труд. И — неизбежный труд. Изба чиста. И на окне — герани. Зимой опять половики ткала. И поздний сон. И час подъема ранний. Дела. Дела. Старушеньки дела. Такие, что на завтра не отложишь.

В тот час тебе хотела передать. Теперь ты понял — что это такое — Непринятая ласка. Ты постиг Отцовство и всю меру непокоя. Но ты — не мать! Ты крепче. Ты привык Любую боль смирять холодной волей. Но воля та лишь внешне холодна! * * * — Ждала всю весну, что придет Коля. Но так случилось: Людочка больна. И в пятый класс не перешел Аркаша. Избаловали в городе ребят! В двенадцать лет У нас, бывало, пашет. В семнадцать лет, глядишь, уже женат. Мужик. Хозяин. Ходит с бородой, В портах холщовых серых и лаптях. ...И полилось давнишнее, седое Под полусонный щебет малых птах, Гнездящихся в березовом лесочке, Что невдали от хаты, на яру: — Картошка сохнет. Скуржились листочки. Ах, хорошо бы дождичка к утру! Весною сыреть, как июль — сухмени. Погоды нет четвертый год подряд. ...Все то, о чем обычно говорят Нам матери. И только просит взгляд: — Ну, подойди же и уткнись в колени!

И то же вновь: — Сынок, поешь, приляг. Как ты живешь? — Все становлюсь моложе. — А ты, сынок, как прежде, весельчак. — Так лучше, мать. Веселый к правде ближе. — Нам, все прожившим, унывать не впрок. ...Не знает Анна, Что я мать в ней вижу, С какой печалью слышу я «сынок», * * * Как передать, что чувствую сейчас я! Тоска и грусть В сравненье с тем легки. И всю жизнь добытое счастье не стоит той морщинистой руки, Что к сильному тебе насмело прикасалась, А ты стыдился, что ласкает мать. И, может быть, она свою усталость

И только просит взгляд: — Ну, подойди же и уткнись в колени! ...Не подошел. — Волчок и Тимка едят. И нам с тобой пора на боковую. Ты отдыхай. Ты писанину брось! Вот прут возьму березовый, отдую! Приехал в гости, Так живи, как гость! ...И вновь клоню я голову седую.

Мать Анна

Александр Пинаев
Поэма.

— Не меда жаль, — вздыхает бабка, — пчел. Любой и каждый любит мед-то. Сладко! И ставит чашку с сотами на стол. Июльским солнцем огурцы прогрело. Горит огнем оранжевым парник. Лук боевые выпускает стрелы. А нежный мак свернулся и поник. * * * Я напросился в постояльцы к Анне. Колю дрова. Вчера я мед качал. Всю зиму я о зоревом тумане И тальниках, как никогда, скучал. Вот и дождался! И шагаю босый, О седине и возрасте забыв, По лебедю и по июльским росам Чуть видной тропкой на крутой обрыв. Внизу река, а дальше — луговина, Два озера, глубокая курья, Вся в зарослях боярки и калины. Там мой шалаш. И — тучи комарья. Покоя нет от кумовьев незваных. Летают, ноют: «Кум, ку-пи ви-на!». И я сбежал! Сказала бабка Анна: — Давай, селись. Живу, как перст, одна. * * * А разговор наш с Анной сначала Шел по верхам. Пустяшный мне разговор:

Подумал я, что потайные травы Рвет по росе она в березняке. Но я ошибся. Анна трав не ищет. Вчера спросил: — Ты где, старая, была? Сказала Анна тихо: — На кладбище. Домой его звала. Да не идет и не придет мой Боря! Нет, не придет! Взяла его война! Слова скупые и большое горе. А Анна — мать солдатская она. * * * — Все рассказать — накрыться черной шалью, — Сказала Анна, — в детстве — нищета. С жабреем горьким отруби мешали И хлеб пекли. И тот — не досыта. До полусмерти шомполами бита. И муж расстрелян на моих глазах. Очнулась утром: дверь в избе открыта, И снегу за ночь намело в сенях. Как поднялась — не знаю. Дверь закрыла. А на скамейке у окна — «Ушел Егор», — подумала. Забыла, Что пятый день в живых Егора нет. Держу кисет. Хочу о чем-то вспомнить И ничего припомнить не могу. И только очень, очень тяжело мне. И пятна крови вижу на снегу,

идут. — Прости меня, — вдруг повинилась Анна, — Погоревала, Так на те я — мать! * * * Мы матерей своих похоронили, Но долг остался и вина жива. На дальней неухоженной могиле В апреле снова прорастет трава. Весна верней и памятливей сына, Она сюда приходит каждый год. Мать, умирая, сыновьям простила И вольный, и невольный их уход. Мать не вернуть. ...Я вновь у бабки Анны. Все, как тогда. Но рыжий кот ушел. Был хулиган. Не стало хулигана.

Кричу им вслед: Егор! Смотри за сыном! Горячий он! Сам на рожон не лезы! * * * И в первый год Борис в бою под Клином Сказался весь и объявился весь. Танк подпалил. И принял сам три пули. Одна — в бедро, а две вошли в живот. * * * Домой вернулся. Я купила улья. Врачи сказали: Боре нужен мед. Полгода прожил. Не терпел постели. Прошу: «Лежи!» Ответит: «Не могу». — Жаль, — говорит, — что шишки не поспели.

— Прости меня, — вдруг повинилась Анна, — Погоревала, Так на те я — мать! * * * Мы матерей своих похоронили, Но долг остался и вина жива. На дальней неухоженной могиле В апреле снова прорастет трава. Весна верней и памятливей сына, Она сюда приходит каждый год. Мать, умирая, сыновьям простила И вольный, и невольный их уход. Мать не вернуть. ...Я вновь у бабки Анны. Все, как тогда. Но рыжий кот ушел. Был хулиган. Не стало хулигана.

И только просит взгляд: — Ну, подойди же и уткнись в колени! ...Не подошел. — Волчок и Тимка едят. И нам с тобой пора на боковую. Ты отдыхай. Ты писанину брось! Вот прут возьму березовый, отдую! Приехал в гости, Так живи, как гость! ...И вновь клоню я голову седую.